

ОТЗЫВ

официального оппонента Русиновой Ирины Ивановны
о диссертации Осиповой Ксении Викторовны
«СЕВЕРНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА ПИЩИ И ПИТАНИЯ В
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ»,

представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России
(Екатеринбург, 2023)

Диссертационное исследование К. В. Осиповой посвящено решению целого ряда проблем, активно разрабатываемых современным языкознанием, и ставит целью разработку на примере севернорусской лексики пищи и питания методики этнолингвистического анализа тематической группы лексики в свете отражения специфики региональной культурно-языковой традиции.

Актуальность данной диссертации связана не только с интересом исследователей к описанию национально-культурной идентичности и картины мира носителей языка сквозь призму лексики, но и с уникальностью изучаемого региона, который сохранил многие архаические черты языка и культуры и испытал влияние контактных традиций. Кроме того, современная диалектология и этнолингвистика накопили множество фактов и наблюдений по разным русским территориям, которые требуют обобщения и определения специфики региональных культурно-языковых традиций, создания культурно-языкового ландшафта. Особенно хочется подчеркнуть такую важность данного исследования, которая состоит в представлении языковых единиц в их взаимосвязи с материальной и духовной жизнью народа, в выявлении «комплекса исторических, культурных и социально-экономических факторов, определивших региональные особенности лексики» (ДД, с. 5). Приветствуем остро актуальную для современной

этнолингвистики позицию автора, заключающуюся в том, что материальная и духовная культура – это не только обрядовая сторона жизни, но и повседневность и быт, что изучение повседневной культуры, связанной с семейной, трудовой, социальной жизнью, сферой народной этики и эстетики, имеет для гуманитарного знания не меньшее значение, чем изучение народной мифологии и верований.

Работа обладает несомненной **научной новизной**, которая заключается в следующем: 1) определена специфика региональной этнолингвистики как отдельного направления научных исследований; 2) впервые объектом этнолингвистического исследования стала лексика пищи и питания Русского Севера, многие из языковых единиц, приведенных в работе, впервые вводятся в научный оборот; 3) лексика пищи и питания рассмотрена в мотивологическом и этимологическом аспектах на фоне широкого круга исторических и этнокультурных данных; 4) принципы этнолингвистического анализа применены к тематической группе лексики, служащей важным источником информации о духовной и материальной культуре региона; 5) на основе анализа диалектной лексики с привлечением большого корпуса сведений об обрядовых и бытовых практиках реконструирован рацион, режим и регламент питания крестьян Русского Севера, установлена взаимосвязь режима питания и природно-климатических, хозяйственно-экономических и историко-культурных особенностей региона; 5) разработаны принципы лексикографического описания изучаемой лексической группы.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что применение методики этнолингвистического анализа лексической группы пищи и питания, рассмотренной на широком этнографическом фоне, позволило выделить региональную специфику культурно-языкового ландшафта. Сформулированная в работе методика, имеющая целью реконструкцию традиционной культуры, может быть успешно применена

при анализе других тематических групп лексики, а также при создании региональных этнолингвистических словарей.

Практическая ценность работы состоит в том, что полученные данные могут успешно применяться при создании учебных курсов по этнолингвистике, русской диалектологии, истории русского языка, этимологии, истории и этнографии Русского Севера, могут использоваться при составлении диалектных, этнолингвистических и этимологических словарей. Особенную значимость имеют реализованные на практике принципы составления этнолингвистического словаря лексики пищи и питания: представленные в диссертации словарные статьи такого словаря могут стать моделями словарного описания лексических единиц не только заявленной группы, но и единиц других лексических пластов.

Достоверность результатов исследования обеспечена несколькими факторами: 1) диссертантом обработан внушительный объем не только лингвистических **материалов** (более **2600** языковых единиц, извлеченных из десятков словарей русского языка, преимущественно диалектных), собранных Топонимической экспедицией Уральского университета; но и этнографических и фольклорных; число источников как на русском, так и на других славянских языках составляет 232 единицы; 2) работа проведена с опорой на широкий круг методов и приемов лингвистических исследований; использованные методики адекватны заявленной цели и поставленным задачам; 3) исследование имеет достаточную методологическую базу, включающую наиболее значимые, в том числе традиционные и новейшие труды отечественных и зарубежных лингвистов в русле заявленной проблематики.

Текст исследования написан прекрасным языком, легко читается, в том числе благодаря средствам визуализации (картам, шрифтовым выделениям), четкой структуре работы, наличию приложений. Хочется подчеркнуть важную особенность научного стиля диссертанта: ясность, глубину мыслей в

сочетании с изяществом, лаконизмом, точностью формулировок, что вообще характерно для работ Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики. Весьма уместным видится представленный в приложении индекс севернорусской лексики пищи и питания, благодаря которому легко обнаружить нужную лексическую единицу в такой объемной и насыщенной материалами диссертации.

Структура работы соотносится с поставленными задачами и характеризуется четкостью и логичностью.

Работа состоит из шести глав, в которых последовательно рассмотрены методология исследования; лексика пищи и питания в свете природных, хозяйственно-промысловых и социокультурных особенностей Русского Севера; народная лингвистическая таксономия пищи и питания, определяемая названными особенностями; изучаемая лексика пищи и питания в ареальном и типологическом аспектах; в контексте традиционной культуры; в аспекте ее лексикографического представления.

Хочется отметить, что в последовательности глав видна исследовательская логика, связанная с семантической спецификой изучаемых единиц и региона, методологическими принципами автора.

Очень важной видится 1-я глава, в которой изложены теоретические основы работы и сформулирована методика комплексного этнолингвистического изучения культурно-языковых особенностей региона. К.В. Осипова определяет региональную этнолингвистику как особое направление научных исследований, которое предполагает диахронное изучение диалектной лексики на широком фоне культуры с целью выявления специфики материальной и духовной культуры региона. Региональная этнолингвистика, по мнению автора, стоит на пересечении диалектологии и этнолингвистики: основным объектом исследования имеет диалектную лексику, а ведущим методом исследования – этимологическую и семантико-мотивационную реконструкцию.

Во 2-й главе показано, что диалектная лексика пищи и питания имеет региональные особенности, соотносимые с природно-климатическими условиями, историей освоения края и типом хозяйствования. Это выражается в преобладании в диалектах Русского Севера названий зерновой и молочной пищи, блюд из рыбы, дикорастущих растений и грибов.

В 3-й главе представлена народная лингвистическая таксономия пищи и питания. На основе анализа языкового материала автор определяет несколько классификационных признаков (кислая – соленая – сладкая – пресная – горькая – острая) и характеристик пищи (сухая – влажная, сухая – жирная, густая – жидкая, растительная – животная, сытная – пустая и пр.). Ключевыми оппозициями, организующими лексику пищи и соответствующий ей круг представлений, автор считает противопоставление *сухой* и *влажной*, *жидкой* пищи, а также *горячей* и *холодной*, *свежей* и *заготовленной впрок*, *постной* и *скоромной*, *сытной* и *пустой*.

В 4-й главе лексика пищи и питания представлена в ареальном и типологическом аспектах. Важным выводом из данной главы представляется положение о том, что специфика севернорусской лексики пищи и питания заключается в сохранении славянской языковой архаики и влияния финно-угорской (преимущественно прибалтийско-финской и пермской) культурно-языковой традиции. Одним из достоинств данной главы являются карты-схемы, позволяющие увидеть культурно-языковые явления в географической проекции и разграничить западные и юго-восточные районы Русского Севера, определяемые влиянием новгородских и ростово-суздальских говоров соответственно.

5-я глава посвящена рассмотрению лексики пищи и питания в контексте традиционной культуры. На основе анализа лексического материала автор показал, что в традиционной культуре пища и питание являются не только жизненной необходимостью, но и ритуалом. Регламентировались чередование приемов пищи, дни праздников или

периоды пищевого воздержания, соблюдение пищевых норм, в том числе количество съеденного и соблюдения времени приема пищи. Многие ритуальные трапезы или трапезы, приуроченные к завершению совместных работ (*братчина, ссыпчина, складчина, слевки, литки* и пр.), устраивались коллективно и являлись частью народной социальной аксиологии. В этой же главе подробно рассмотрена культурная символика пищи.

В 6-й главе представлен опыт составления этнолингвистического словаря лексики пищи и питания. На основе анализа предшествующей лексикографической традиции автор предлагает идею создания регионального этнолингвистического словаря, опирающегося на опыт крупных словарей-энциклопедий славянской культуры, но обращенного к отдельной территориально ограниченной культурно-языковой традиции. В качестве единицы описания в таком словаре автор предлагает культурно-языковой знак, соотносимый с одной или смежными реалиями, в единстве его наименований и внешнего воплощения, значений и символических функций. Предполагается что в словарь войдут только ключевые культурно-языковые знаки изучаемого региона.

Автор сформулировал принципы отбора словарных статей, разработал модель словарного описания и в качестве примера представил шесть образцов: «Каша», «Кисель», «Рыбник», «Саламат», «Уха» и «Щи», в которых на основе анализа языковых данных, а также повседневных и обрядовых практик характеризуются данные блюда севернорусского рациона: начиная от особенностей их состава, региональных разновидностей, роли в рационе, специфики употребления, завершая языковыми коннотациями наименований и культурной символикой в разного типа обрядах.

Положения, выносимые на защиту, обоснованы и подтверждены в ходе работы над темой исследования, следует отметить четкость при их формулировании.

В ходе проведенного исследования автор получил **новые результаты:**

1) Собрал из разных источников колоссальный по объему диалектный лексический материал, связанный с наименованиями традиционной севернорусской пищи.

2) Сформулировал принципы этнолингвистического анализа тематической группы лексики в отдельной региональной традиции.

3) Осуществил лингвогенетический и контактологический анализ, определив круг древней, исконно славянской лексики пищи и питания, а также группу возможных заимствований.

4) Провел этимологическое и мотивологическое изучение лексики пищи и питания; осуществил семантико-мотивационную реконструкцию и этимологическую интерпретацию слов с затемненной внутренней формой.

5) Выявил отраженные в лексике особенности повседневного и праздничного рациона крестьян Русского Севера, технологии приготовления блюд, их таксономию и категориальные признаки; предписания и запреты, связанные с употреблением пищи и организацией трапезы.

6) Охарактеризовал особенности севернорусской лексики пищи и питания в контексте общерусской и общеславянской традиции.

7) Определил культурные коннотации лексики пищи и питания, а также символику и ритуальные функции севернорусской пищи.

8) Предложил принципы лексикографического представления региональной культурно-языковой традиции; реализовал эти принципы на примере словарного описания лексики пищи и питания.

Таким образом, автор достиг цели, поставленной в работе.

В целом можно констатировать, что перед нами самостоятельное завершённое исследование семантической системы диалектной лексики одного из важнейших в историко-культурном и лингвистическом плане регионов, выполненное на высоком научном уровне и обладающее несомненными перспективами.

Высоко оценивая проведенную автором работу, выскажем замечания и вопросы, не касающиеся концептуальных основ исследования.

1. Нигде в диссертации не говорится о выборе названия лексической группы. Почему она носит имя «лексика пищи и питания»? Разве термин «питание» нельзя рассматривать как родовой по отношению к термину «пища» и считать ярлыком тематической группы?

2. Несмотря на скудость лакомств, они все же были представлены в рационе севернорусского крестьянина, особенно детском. Автор пишет, что в категорию лакомой для крестьян пищи попадали сладости, пироги, а также обильно масляные блюда. Но во втором параграфе 3-й главы «Наименования приправ и лакомств» приведены в основном общие номинации, представляющие некоторые разряды лексики (типа *лебезина*, *мочинка*, *усобинка*, *гостинец*, *лишнее*), которые на основе семантико-мотивационного анализа позволили сделать автору выводы этнолингвистического характера, но нет названий конкретных продуктов, блюд. Однако совершенно точно в качестве лакомства употреблялись пареные, а потом высушенные овощи (репа, брюква, морковь и т. п.), сушеные или вяленые ягоды (голубика, черника), а также сухие лепешки из ягод (например, *леваши*, о чем пишет автор), корни некоторых зонтичных растений и т. п. Возможно, автор не привел эти номинации потому, что они совпадают с общими названиями пареной, вяленой пищи, названиями ягод и т. п. Но для реконструкции рациона питания, на наш взгляд, все-таки стоило более подробно представить и охарактеризовать лексику данной подгруппы. Хотя очевидно, что автору было трудно распределить единицы по разделам и избежать повторов, например, часть таких номинаций и информация о приготовлении блюд, понимаемых как лакомства, К.В. Осипова рассмотрела в тех частях 2 главы диссертации, которые посвящены ягодам и овощам, в частности репе.

3. Нам совершенно понятно, что автор не ставил перед собой цели детального описания всех продуктов, употребляемых в пищу, он

сосредоточился на этнолингвистическом аспекте исследования, который на основе анализа языковых данных (например, названий грибов, ягод) помог реконструировать в том числе традиции собирательства. Согласимся с утверждением К.В. Осиповой о том, что роль дикорастущих съедобных растений (побегов борщевика, хвоща, лебеды и т. п.) в голодные годы возрастала. Но жители Русского Севера употребляли их в пищу не только во время голода. (В диссертации в основном говорится о суррогатных добавках растительного происхождения в выпечных изделиях). Кажется, что наименования дикоросов, а также блюд из них, традиции их приготовления заняли неоправданно мало места в диссертации; на наш взгляд, они заслуживают вынесения, наравне с грибами и ягодами, в особый раздел первого параграфа второй главы, а не во второй параграф с названием «Лексика питания и социально-исторические процессы: наименования пищи голодного времени». В данном случае речь не идет о древесных продуктах, различных отходах, растительных суррогатных добавках и т. п., мы имеем в виду те растения, которые употребляли в пищу постоянно, которые были частью традиционного рациона севернорусских крестьян. Тем более что эти традиции во многом возникли в результате контактов русского населения с финно-угорскими народами, о чем свидетельствует, на наш взгляд, и этимология фитонимов, в частности лексем *пучка*, *умра*, *гонюши*. В этом же контексте смущает, что *борщевник* и *дягиль* трактуются автором как одно растение (ДД, с. 140), при этом слово *дягиль* известно литературному языку, а *борщевник* – нет. И далее автор приводит разные названия этого растения с контекстами их употребления. Среди примеров встретилось слово *гонюш* в следующем контексте: «Гонюши соберут да напарят – как репа» (Леш) [СГРС 3: 97]. На наш взгляд, приведенное описание указывает не на растение дягиль, а на растение бутень (Прескотта, клубненосный). Именно оно имеет шаровидный клубень, сладковатый на вкус, и в некоторых говорах, в частности пермских, называется *репкой*. Хотя, конечно, на основе данных

диалектных словарей и даже полевых записей часто очень трудно идентифицировать зонтичное растение: диалектологам хорошо известно, что разные растения этого семейства могут получать одно название, и, наоборот, одно растение имеет несколько названий, по-разному мотивированных.

4. При формировании концепции словарного описания севернорусской лексики пищи и питания Вы в целом опирались на лексикографическую модель словаря «Славянские древности». В трудах Московской этнолингвистической школы для описываемых элементов этого словаря употребляется термин *знак языка культуры*, у Вас в качестве единицы описания использован *культурно-языковой знак*. Почему Вы избрали другой термин? В чем заключается специфика лексикографической модели, использованной Вами при создании образцов словарных статей? Чем она обусловлена: темой лексической группы или какими-то иными причинами, например, методологическими позициями исследователя?

5. Возник вопрос, связанный с принципами отбора единиц для словаря. В диссертации указано, что «отдельный культурно-языковой знак и соответствующая статья выделяется, если, во-первых, блюдо является частью севернорусского рациона, т. е. получает широкое распространение в одном или нескольких районах, во-вторых, его названия устойчиво фиксируются в диалектах, а в-третьих, блюдо приобретает знаковую функцию в языке, фольклоре и акциональных формах культуры» (ДД, с. 486).

Понятно также, что «наличие множества наименований, полнота идеографической сетки, мотивационное разнообразие лексики <...> и ее культурная символика далеко не всегда находятся в прямой зависимости: многие блюда, обладая разработанной сеткой диалектных названий и языковой многозначностью, не наделяются знаковыми функциями в обрядах» (ДД, с. 486). Тем не менее такие единицы (например, названия похлебок) должны, по Вашему мнению, стать объектом описания в Словаре, поскольку являются наиболее употребляемым видом пищи, а их названия

составляют одну из самых объемных и мотивационно разнообразных лексических групп.

Но как обстоит дело с лексическими единицами, не имеющими достаточно широкого распространения, не составляющими большой группы, не играющими особой роли в обрядовой жизни крестьян, но выступающими маркерами региональной культурно-языковой традиции и обозначающими блюда, которые являются частью севернорусского рациона? Речь идет прежде всего о заимствованных словах типа *ляз*, *лязг* 'кушанье из толченой черемухи', *луда* 'густое толокно из смеси овса, ячменя, ржи, размешанное с сахаром', *шóмша* 'заваренная горячей водой и распаренная рожь'. Вот, например, какое блюдо обозначает слово *шóмша*: кашу или похлебку? В словарной статье «Каша» эта единица не приведена. Если обозначает похлебку, то какую? В какую статью (или статьи) войдут слова *лязг* и *луда*, если, конечно, войдут?

Высказанные замечания и вопросы не носят принципиального характера, они вызваны большим интересом к работе и не снижают научной ценности диссертационного исследования К. В. Осиповой. Выводы диссертации являются обоснованными. В исследовании представлены новые научные результаты, что свидетельствует о личном вкладе соискателя в теорию и практику этнолингвистического анализа, в развитие региональной этнолингвистики.

Диссертация прошла достаточную апробацию в докладах автора на научных конференциях разного уровня, основные положения и результаты исследования отражены в публикациях – в 45 научных статьях, 22 из которых опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации и Аттестационным советом УРФУ. Автореферат в полной мере отражает содержание диссертации и основные этапы анализа.

Дополнительно отметим, что часть диалектных материалов для исследования собрана самим автором в ходе диалектологических

экспедиций. Это свидетельствует об увлеченности автора, его искренней заинтересованности в своей работе, прекрасном знании изучаемого языкового материала.

Рецензируемая диссертация соответствует специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России и требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ. Соискатель Осипова Ксения Викторовна заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России.

Официальный оппонент

Русинова Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения

высшего образования «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»

тел. (342)2396417

e-mail: info@psu.ru

614068 Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
докторская диссертация: 10.02.01 – Русский язык

07.12.2023 г.

